

которые можно было приобрести в местной лавочке, у проходящих арестантов иногда покупали по дешевке Евангелие, заказывали книги едушим в город родственникам, которые по безграмотности привозили все, что попадалось под руку. В целом же, по наблюдениям Л. С. Личкова, чтение, имевшее некоторое распространение в кругу инородческой молодежи, в очень незначительной степени затронуло пожилых людей и стариков.

Наиболее разветвленные и гибкие формы пропаганды книги среди коренного населения сложились в Алтайской духовной миссии. Во всех ее станциях регулярно проводились воскресные внебогослужебные беседы и чтения, часто соединенные с пением, организовывались чтения по домам, хождение чтеца, причетника или учителя по юртам алтайцев. Читались обычно различные духовно-нравственные статьи из "Странника", "Душеполезного чтения", "Народной беседы", "Мирского вестника", рассказы и повести о вреде пьянства, басни И. А. Крылова. Ученики школы пели стихи из "Лепты", статьи о любви и почитании императора. Вниманием слушателей пользовались переведенные с русского языка и составленные на алтайском языке рассказы из Священной истории, нравственно-назидательные сочинения в прозе и стихах. Особенно популярными среди алтайцев были поучительные статьи в форме рассказов-притч и разговоров М. Чевалкова. Они стали любимым чтением народа, заучивались неграмотными наизусть. Живое взаимодействие печатных произведений М. Чевалкова с народной средой закладывало основы национальной книжной культуры алтайцев.

В целом же, проникновение накопленного за XIX столетие "книжного пласта" на языках ранее бесписьменных народов Сибири в национальную среду во второй половине века носило явно начальный, зачаточный характер, приоткрывая лишь путь для его будущего развития.

* * *

М. Ю. СТАРИКОВ
(г. Екатеринбург)

ГРАМОТНОСТЬ КРЕСТЬЯНСТВА ДОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ И УРАЛО-СИБИРСКИЕ РЕАЛИИ

Крестьянская грамотность является одной из важных составляющих, характеризующих культурный облик данной категории населения дореформенной России.

По данным обследования, проведенного в 1844 г. в Саратовской губернии, грамотность государственных крестьян составляла 2,7%, удельных крестьян - 5,6%, помещичьих крестьян - 1,2%, мещан - 28,7% и купцов - 42,1%.

Профессор Казанского университета П. Я. Горлов оценивал грамотность населения Тагильского горного округа (Пермская губерния) в первой половине XIX в. в пределах 10%.

В 1892 г. в своей монографии А. И. Соболевский

пришел к выводу, что уже в XVII в. грамотность мужской части всего крестьянского населения была не ниже 15%. Но, как справедливо заметила в 1967 г. Н. А. Бакланова, методика подсчетов А. И. Соболевского не была безупречной.

М. И. Черныш в 1959 г. определил грамотность призывников Пермской губернии набора 1867 г. в размере 7%, а грамотность всего населения Пермской губернии в 1870 г. - в 10%.

Применив метод реверсивного прогнозирования к материалам переписей 1897, 1922 и 1926 гг., Б. Н. Миронов в 1985 г. приходит к выводу, что средняя грамотность всего населения европейской части России в 1797 г. находилась между 3,3% и 6,9%, а грамотность мужской части сельского населения европейской части России в 1857 г. составляла 17,4%.

По мнению А. Г. Мосина (1986 г.), грамотность крестьянского населения Вятской губернии в начале XIX в. в среднем равнялась 0,77%, а с учетом грамотности старообрядцев могла подняться до 2-3%.

Авторы коллективного труда "История Урала" оценивают состояние грамотности населения Урала накануне падения крепостного права в размере 2-3%.

Н. А. Миненко в 1991 г., ссылаясь на сведения комиссии Министерства государственных имуществ, говорит о том, что в 1841 г. в Тобольской губернии грамотность крестьян составляла 2,06%, а в Томской губернии - 1,35%. Но в то же время в книге "Крестьянство Сибири в эпоху феодализма" (1982 г.) грамотность крестьян в начале 1840-х гг. в Тобольской губернии оценивается в 0,96%, а Томской губернии - в 0,66%.

Таким образом, оценки грамотности крестьянского населения различных регионов России в XVIII-XIX вв. отличаются или даже противоречат друг другу. Следовательно, многие вопросы, связанные с грамотностью населения, остаются открытыми и требуют дальнейшего изучения.

В результате обработки материалов судебно-следственных дел о волнениях крестьян нами были получены данные о грамотности взрослых крестьян и мастеровых (по своей сословной принадлежности - посессионных крестьян) Невьянского, Кыштымских и Каслинского заводов Пермской губернии в конце первой четверти XIX в., а также государственных крестьян Камышловского уезда Пермской губернии в 40-х гг. XIX в.

По нашим данным, грамотность государственных крестьян Камышловского уезда Пермской губернии в 40-х гг. XIX в. была в пределах 1-2%. В отношении крестьян и мастеровых можно сказать следующее: из 430 крестьян Невьянского завода 160 были грамотными (37,20%). Такой высокий процент грамотности объясняется тем, что большинство из указанного числа крестьян Невьянского завода были связаны с рыночными отношениями и занимались предпринимательской деятельностью.

Из 96 крестьян Кыштымских заводов 14 были грамотными (14,50%), а из 250 мастеровых, тех же заводов, 12 были грамотными (4,80%). На Каслинском заводе из 31 человека 9 крестьян были грамотными (29,03%), а из 78 мастеровых только 2 умели

читать и писать (2,56%).

Среди подзаводских крестьян Кыштымских заводов из 153 лишь 3 были грамотными (1,96%). А из 78 подзаводских крестьян Каслинского завода грамотных не было ни одного.

Согласно приведенным данным, наиболее грамотными были заводские крестьяне, менее грамотными – мастеровые, а наименьший процент грамотности был среди подзаводских (живших за счет сельского хозяйства и привлекающихся на вспомогательных работах на заводах) крестьян.

С одной стороны, такая ситуация объясняется составом участников волнений, а с другой – развитием сети школ на заводах. Многие крестьяне, считавшиеся заводскими, не работали на заводах, а занимались торговлей и промыслами и откупались от заводских работ. Несомненно, уровень грамотности данной категории населения был весьма высоким. У мастеровых же при передаче профессиональных знаний и навыков непосредственно от мастера к ученику грамотность не являлась необходимостью, и поэтому она была ниже, чем у заводских крестьян.

Таким образом, уровень грамотности различных категорий крестьянства значительно варьировался. Поэтому для получения достоверной картины грамотности крестьянского населения необходимо рассматривать грамотность каждой отдельно взятой категории крестьян, учитывая социально-экономические, конфессиональные и другие локальные факторы, оказывавшие значительное влияние на уровень грамотности данной части населения дореформенной России.

* * *

С. В. КОЗЛОВ
(г. Новосибирск)

ЧИТАТЕЛЬ И ЧТЕНИЕ В СИБИРИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Книжное дело является одним из важнейших компонентов культуры. Общеизвестно, что, в конечном итоге, и выпуск книжной продукции, и ее распространение, и деятельность библиотек предназначены для удовлетворения интересов читателя и оказания воздействия на него. Проблема изучения читательских потребностей, мотивов, интересов и установок сибиряков по праву привлекает к себе внимание отечественных исследователей. Однако для периода первой русской революции эта тема остается практически неизученной. В этот период чтение играло особую роль в вовлечении населения в общественную жизнь.

Важно подчеркнуть, что разные слои сибирского населения в силу своего социального статуса по-разному относились к книге. Можно говорить о двух основных группах читателей, которых отличали читательские установки. Первую, относительно немногочисленную, составляли представители “образованных классов”: чиновники, интеллигенция, часть купцов и мещан. Именно эта группа являлась основным потребителем книжной и газетной продукции в предреволюционный период.

Во вторую группу входило все остальное грамотное население. Вовлечение представителей этой группы читателей явилось основой книжного бума 1905–1907 гг.

В период революции в России происходит смещение читательских приоритетов с изданий духовно-нравственного характера на социально-политическую литературу. Этот процесс проявился и в Сибири. Если в предреволюционное десятилетие низшие слои городского населения и крестьяне читали в основном дешевые книги, календари, то в 1905–1907 гг. основным спросом у сибирского читателя стала пользоваться массовая бесцензурная социально-политическая книга. Интерес к ней объясняется тем, что на ее страницах освещались вопросы, ранее закрытые для обсуждения в изданиях, имевших хождение в народной среде. Эта литература являлась принципиально новым явлением на российском книжном рынке. Тематика этих книг могла быть самой разнообразной, но объединяло их то, что все они в той или иной форме касались борьбы за свободу. Это были книги для народа с популярным изложением по крайне низким ценам, сравнимым с ценами на лубочную литературу (например, брошюры издательства “Донская речь”: “Друзья римского народа – братья Гракхи”, “Биография Дж. Гарибальди, освободителя Италии”, “Как болгары добыли себе свободу”). Доставляемая в Сибирь продукция прогрессивных и партийных издательств, главным образом, брошюры быстро расходились. По данным полиции, особенно популярной эта литература была у учащейся молодежи. Хотя для сельского читателя в Сибири, как и в целом по России, была характерна тяга к беллетристической и духовно-нравственной литературе, новая общественно-политическая брошюра в круге чтения существенно потеснила традиционный для деревни лубок.

Меньшим спросом в период первой русской революции пользовалась у массового читателя художественная литература, и предпочитали, в основном, произведения известных авторов. Вышедший в 1906 г. “Первый литературный сборник сибиряков” расходился очень плохо и не был распродан вплоть до 1910 г.

Следует отметить, что в описываемый период одним из основных побудительных мотивов к чтению было желание получить оперативную информацию о событиях, происходящих на фронте и в стране. Подобную информацию могла дать только газета. До 1905 г. основную массу читателей газет составляли представители интеллигенции. С началом русско-японской войны и особенно революции к ним присоединился значительный контингент крестьян, рабочих и других городских обывателей. Достаточно распространенным становится явление, когда рабочие артели и крестьянские сходки подписывались на интересующие их газеты вскладчину. Массовый интерес вызывали прежде всего прогрессивные газеты, издаваемые представителями и местной либеральной интеллигенции.

В условиях, когда подавляющее большинство населения Сибири было неграмотным (около 90%),